

На юге Цичэна в последнее время было беспокойно. Органы правопорядка разом прихлопнули сразу несколько банд, державших под собой притоны, подпольный игорный бизнес и прочий теневой криминал. Красно-синие отсветы мигалок бесцеремонно врываются в окна тихих жилых кварталов, нарушая покой мирных обывателей.

На этом фоне пара уличных драк с последующей госпитализацией участников никого не удивляла. Разве что обитатели переулка Наньпин недоумевали, куда это подевалась компашка праздных мажоров, которые раньше вечно отирались в этих краях.

Простые люди не знали, что один из этих бездельников угодил на больничную койку. И уж тем более никто не догадывался, что банду рэкетиоров, собиравших здесь дань, одним легким движением упекли за решетку — причем по указке самого высокого руководства.

Под покровом этой тихой, сонной глади бурлили темные воды, но снаружи все казалось на редкость безмятежным. Летнее солнце пекло немилосердно; его лучи пробивали редкие облака, пронизывая душный, пыльный воздух золотыми иглами.

Преподавательница игры на пипе из музыкальной школы «Июань» в последнее время часто засматривалась на залитую солнцем улицу. Она все пыталась понять, что же за странное ощущение посетило ее в тот вечер.

Из-за этого ее внимание в школе больше не ограничивалось одним лишь Чэн Цзие. Теперь она все чаще поглядывала на кудрявого учителя гитары.

И чем дольше она за ними наблюдала, тем сильнее росло ее недоумение.

На первый взгляд ладили они идеально. Даже лучшие друзья с двадцатилетним стажем признали бы в них близких душ. Никто бы не посмел сказать, что они в ссоре, да и посторонних мыслей их общение не вызывало.

И все же Хэ И упорно чуяла подвох.

Стоило кудрявому парню отвернуться, чтобы заняться делом, как лицо Чэн Цзие, только что непринужденно болтавшего с ним, мгновенно менялось. В его глазах вспыхивало нечто такое, чего Хэ И никогда прежде в нем не замечала. Она даже не могла подобрать нужных слов, чтобы описать этот взгляд.

Или наоборот: когда шел урок у Чэн Цзие, Юй Сингэ то и дело выкраивал минутку, чтобы прислониться к косяку у дверей и понаблюдать за ним. А легкая, едва заметная улыбка, с которой гитарист смотрел на коллегу, окончательно ставила учительницу в тупик.

Между ними ощущалось особое притяжение, невидимый кокон, куда посторонним вход был заказан.

Словно у них на двоих была одна общая тайна.

Хэ И нельзя было назвать нечуткой, но догадка, которая так и просилась на ум, казалась ей слишком невероятной для их времени.

В те годы о подобном старались даже не думать.

Зная, что Чэн Цзие дружит с Лю Ином, она решила осторожно прощупать почву. Однако пухлый, моложавый хозяин школы, оторвавшись от счетов, лишь недоуменно воззрился на нее:

— Ты о чем вообще?

Он явно не замечал очевидного.

На миг Хэ И даже усомнилась в собственной проницательности.

Но, сцепив пальцы, она снова посмотрела в сторону репетиционного класса. За стеклом стояли те двое, увлеченно споря о чем-то своем. Нет, интуиция ее не подводила.

Странное, едва уловимое напряжение, зависшее в воздухе, казалось, почти физически касалось ее души.

Хотя, казалось бы, какое ей до этого дело?

Но любопытство взяло верх: она твердо решила докопаться до истины.

Хэ И вновь уставилась на репетиционный класс.

Юй Сингэ, вальяжно прислонившись к невысокому шкафчику, увлеченно разбирал с Чэн Цзие очередную аранжировку. Он уже собирался что-то сказать, когда боковым зрением уловил пристальный взгляд из-за стекла.

Парень приподнял бровь и вежливо улыбнулся коллеге.

«Что это с ней в последнее время? — подумал Юй Сингэ. — Слишком уж часто она на нас смотрит».

— Ладно, мне пора на урок, — он повернулся к Чэн Цзие.

Если он задержится еще хоть на минуту, эти сорванцы разнесут ему весь класс.

Чэн Цзие не заметил пристального взгляда учительницы. Когда рядом был Юй Сингэ, весь остальной мир для него попросту переставал существовать.

Он молча кивнул и проводил взглядом уходящего парня. Непослушные кудри Юй Сингэ мягко покачивались в такт шагам, напоминая пушистые, неуловимые облака.

В его гитаристе всегда жила эта удивительная, бьющая через край харизма, которая невольно приковывала к себе взоры окружающих.

Чэн Цзие не выдержал. В его темных глазах отразилась глубокая, почти болезненная нежность — чувство настолько сильное, что от него щемило сердце, но при этом бесконечно бережное.

Пальцы Чэн Цзие едва заметно дрогнули, словно он пытался удержать уходящее тепло.

И именно этот взгляд Хэ И поймала через полупрозрачное стекло.

Женщина обомлела. Сердце испуганно екнуло, а разум заполнило чувство абсолютного абсурда.

Почувствовав чужое присутствие, Чэн Цзие резко обернулся. Вся нежность мгновенно испарилась из его глаз, уступив место привычной вежливой холодности. Теперь сквозь стекло на нее смотрел совершенно спокойный, отстраненный человек, строго соблюдающий дистанцию.

Контраст был разительным.

Но теперь Хэ И наконец-то поняла, как назвать то выражение лица, которое она только что видела.

Учительница игры на пипе, в чьих волосах белел изящный искусственный цветок, прикусила губу. Превозмогая легкую дрожь, она выдавила слабую улыбку и коротко кивнула ему.

Ей было безумно неловко. Не зная, куда девать глаза, она лихорадочно схватила со стола какой-то журнал и принялась судорожно листать страницы, все еще не веря собственному открытию.

Разумеется, строчки плыли у нее перед глазами — сосредоточиться на тексте было выше ее сил.

«Так вот в чем дело! — пронеслось у нее в голове».

Причина, по которой Чэн Цзие оставался глух к ее знакам внимания, крылась вовсе не в том, что она была недостаточно привлекательной или слишком скромной. Все оказалось куда прозаичнее: она изначально вела игру не на том поле.

Чэн Цзие предпочитал мужчин.

Даже если он не определял себя так однозначно, та химия, что связывала его с Юй Сингэ, не оставляла ни единой женщине шанса завоевать его сердце.

Это казалось...

...абсолютно невероятным.

Хэ И сама не понимала, что чувствует. С самой первой встречи Чэн Цзие манил ее к себе как магнит, и она не находила этому логического объяснения.

Ей казалось, будто это сама судьба столкнула их вместе.

А теперь выясняется, что судьба сыграла с ней злую шутку.

Хэ И медленно закрыла журнал. Какое-то время она сидела неподвижно, но затем внезапно почувствовала... облегчение.

Вот оно что.

Мучивший ее вопрос наконец разрешился, и это открытие разом вытеснило всю горечь неразделенной симпатии.

«Значит, со мной все в порядке. Дело не во мне», — подумала она с тихой улыбкой.

Скользнув взглядом по обложке, она аккуратно вернула журнал на место. Душевное смятение улеглось, уступив место полному покою. Когда она снова посмотрела на Лю Ина, на ее лице не осталось и следа прежней тревоги.

— Слушай, а чего это ты в последнее время так пристально наблюдаешь за нашим новым гитаристом? — любопытствовал Лю Ин, хитро прищурившись.

Разумеется, Хэ И не собиралась посвящать босса в подробности — его догадки лежали бесконечно далеко от истины. Она лишь тихо вздохнула:

— Если я когда-нибудь еще встречу мужчину, который мне по-настоящему понравится, то

первым же делом задам ему один важный вопрос.

— И какой же? — искренне удивился тот.

Хэ И лишь загадочно покачала головой и перевела разговор на другую тему.

Тем временем Юй Сингэ пытался справиться со своими учениками. Ребятам, пришедшим осваивать гитару, едва исполнилось по четырнадцать-пятнадцать лет. Сам учитель был молод, но его подопечные — и вовсе сущие дети. Стоило им закончить обязательные упражнения, как они тут же принимались хлопать невинными глазами и засыпать его каверзными вопросами.

Подросткам безумно нравилось ставить своего добродушного и всегда улыбчивого наставника в тупик.

Незадолго до звонка одна из самых прилежных учениц, сидевшая за первой партой, подняла руку. Образцово-показательный жест совершенно не вязался с каверзным вопросом:

— Учитель, а вы умеете писать песни о любви?

Чэн Цзие уже ждал его у двери. Опершись плечом о косяк, он лениво разглядывал класс. Темные волосы подчеркивали резкие, точеные черты лица, придавая его облику едва уловимую, но властную суровость.

Юй Сингэ мимолетно взглянул на него и с мягкой улыбкой ответил девочке:

— Наш учитель Чэн пишет любовную лирику куда лучше меня.

Вчитываясь в его тексты, парень порой поражался, насколько тонко и глубоко этот человек умеет чувствовать.

Это совершенно не вязалось с его привычным, порой излишне холодным и неприступным видом.

Стоило Юй Сингэ произнести эти слова, как стоящий в проходе Чэн Цзие заметно напрягся.

А любопытная девчушка уже всю сыпала новыми вопросами:

— Ого! А где вы выступаете? Скажете нам?

— Это вам Лю Ин разболтал? — Юй Сингэ покачал головой, не ожидая от босса такой разговорчивости. — Извините, мелочь, но несовершеннолетним в бары вход строго воспрещен.

Его-то самого поначалу едва не развернули на входе из-за слишком юного лица, что уж говорить об этих школьниках.

В этот момент молодой человек выглядел на редкость серьезным и строгим, растеряв всю свою привычную мягкость.

Чэн Цзие прошел в класс. Несколько ребят вежливо поздоровались с ним, и он сдержанно кивнул им в ответ.

Попрощавшись с ученицей, Юй Сингэ зачехлил гитару и повернулся к другу:

— Ну что, идем?

Глядя по лицу уходящего наставника, девочка смешно подперла щеки кулачками и со вздохом протянула:

— Ну вот, опять ушел... С нами он совсем другой. Обидно даже.

Ей все еще казалось, что суровый Чэн Цзие держится куда холоднее, чем их любимый улыбчивый учитель Юй.

Не подозревая о детских пересудах, Чэн Цзие и Юй Сингэ направились к выходу. На лестничной площадке они вновь столкнулись с Хэ И.

На лице преподавательницы пипы отразилась целая гамма противоречивых чувств. Она явно хотела что-то сказать, но так и не решилась, ограничившись вежливым кивком.

Ощущая себя хранительницей страшной тайны, Хэ И даже побоялась встретиться глазами с Чэн Цзие. Вместо этого она невольно уставилась на Юй Сингэ.

«Что ж, — подумала она, — чисто внешне они чертовски подходят друг другу. Придаться просто не к чему».

Чэн Цзие заметил этот пристальный взгляд, направленный на его спутника. Слегка нахмурившись, он вежливо попрощался и увлек Юй Сингэ за собой, предпочтя воздержаться от расспросов.

В конце концов, он не имел никакого права запрещать кому-либо любоваться его гитаристом.

Юй Сингэ не принадлежал ему. Он не был драгоценной вещью, которую можно спрятать в шкатулку и скрыть от чужих глаз. Не был его возлюбленным. Чэн Цзие не мог ни присвоить его, ни отпустить — оставалось лишь довольствоваться ролью друга и наблюдать со стороны.

От этих мыслей в груди разлилась привычная, глухая тоска.

Собственнические инстинкты никогда не были сильной стороной его характера, но порой удушливое чувство ревности все же упрямо свивало гнездо в его душе.

Позади осталась смущенная учительница, у стойки сонный Лю Ин вяло помахал им на прощание упитанной рукой, даже не пытаясь казаться бодрым.

На перекрестке пахло цветущей магнолией. Лето в Цичэне выдалось засушливым, но изнуряющий, липкий зной заставлял кожу постоянно гореть от пота.

В такую жару весь город словно погрузился в полусонное оцепенение. Листья платанов вяло шелестели, ловя жаркие золотые блики, и эта сонная тишина убаюкивала прохожих.

Мужчины неторопливо шли по тротуару.

Темноволосый вокалист, утомленный духотой, молчал. Но затем, словно вспомнив о чем-то важном, решил вернуться к утреннему разговору и еще раз объяснить ситуацию вокруг Шэнь Чжи.

На самом деле Чэн Цзие давно завязал с криминальными разборками Цичэна, но в этот раз обнаглевший мажор перешел все границы.

— Догадываешься, чьих это рук дело? — глухо спросил он, слегка прищурившись.

Юй Сингэ неопределенно качнул головой:

— Без понятия.

На самом деле он прекрасно обо всем догадывался. Ему просто было любопытно, насколько сильно досталось Шэнь Чжи. Согласно сюжету оригинального романа, этот мерзавец никогда не отличался примерным поведением и в итоге все равно загремел за решетку на пару лет.

Получив хорошую затрещину от собственных же наемников, этот пакостник наверняка надолго заляжет на дно.

Чэн Цзие не стал развивать тему. Солнечные блики запутались в его темной шевелюре,

отливая благородной бронзой.

Мир грязных уличных интриг казался слишком далеким от светлого образа Юй Сингэ, и осквернять его слух подобными вещами Чэн Цзие не хотел.

С проезжей части донесся протяжный автомобильный гудок, зависший в раскаленном мареве бесконечной нотой.

После полудня их ждала очередная репетиция. Воздух в репетиционной комнате накалился до предела, став липким и влажным, как перед сильной грозой.

Едва отыграв программу, Чэнь Цин и Ли Гу поспешили уйти. А вот Чарльз упрямо усадил оставшихся смотреть какой-то старый DVD-диск. Документалка о рок-музыке оказалась невыносимо нудной: не прошло и получаса, как золотоволосый барабанщик заклевал носом и благополучно заснул прямо в кресле.

Юй Сингэ честно пытался вникнуть в суть происходящего на экране. Дешевые спецэффекты и хриплый звук старых колонок навевали сон, но природный перфекционизм не позволял ему выключить фильм на полпути. Раз уж начали смотреть — нужно довести дело до конца.

В этом был весь он: начатое следовало завершать.

Чэн Цзие сидел рядом, задумчиво вертя в руках пластиковую крышку от бутылки. Юй Сингэ кожей чувствовал, что документалка парня нисколько не интересует: его взгляд раз за разом возвращался к лицу гитариста.

Хотя, справедливости ради, кино и правда было невероятно скучным.

Душную комнату освещал лишь мертвенно-голубой свет экрана. Мерцающие блики выхватывали из темноты силуэты парней, пока диктор занудным голосом вещал об истории рока прошлого века: Британском вторжении, сексуальной революции и бунтарском духе молодежи. Текст за кадром оставлял желать лучшего, но архивные аудиозаписи звучали вполне сносно.

Плотные шторы были задернуты, а благодаря качественной звукоизоляции уличный шум сюда не проникал. В помещении царила оглушительная, интимная тишина. Они сидели на одном диване, утопая в его мягких поролоновых подушках. Расстояние между ними сократилось до минимума, но Чэн Цзие даже не подумал отодвинуться.

Да и демонстративно пересесть в такой обстановке выглядело бы глупо и неестественно.

Чарльз, сладко посапывавший с краю, казалось, решил проспать до скончания веков.

Сделав глоток воды, Юй Сингэ сладко зевнул и уронил голову на плечо Чэн Цзие. Его мягкие кудри задели шею вокалиста. В нос Чэн Цзие тут же ударил этот знакомый, неуловимый запах согретых солнцем волос. Игнорировать близость парня было выше его сил. Чэн Цзие спешно уставился на экран, его пальцы судорожно сжали обивку дивана, и лишь после глубокого, медленного вдоха он заставил себя расслабиться.

Он не выдержал и опустил взгляд ниже, на руку Юй Сингэ. Тот небрежно держал стакан с водой, опираясь ладонью о подушку дивана. Длинные, сильные пальцы музыканта, обычно столь стремительно порхавшие по струнам, сейчас казались расслабленными, а блики воды окрашивали кончики его ногтей в прозрачно-розовый цвет.

Чэн Цзие осторожно, плавным движением забрал стакан из его пальцев.

Парень удивленно посмотрел на него своими глубокими карими глазами:

— Тоже хочешь пить?

Вопрос прозвучал настолько просто и обыденно, что Чэн Цзие на мгновение растерялся.

Опустив ресницы, он негромко произнес в полумраке комнаты:

— Опасно держать его так. Прольешь на диван.

У него были легкие брезгливые замашки, хотя обычные друзья спокойно пьют из одной посуды. Но Чэн Цзие просто не мог заставить себя сделать глоток. Слишком много скрытых смыслов таилось для него в этом простом жесте.

Слишком опасным был этот соблазн.

Он аккуратно поставил стакан на стеклянный столик. Донце коснулось поверхности с тихим, чистым звоном.

Гитарист вновь уставился на экран. На архивных кадрах шестидесятых годов резвилась черная-белая молодежь, их беззаботный смех доносился словно из другой реальности. Юй Сингэ поудобнее устроил кудрявую голову на плече друга. Место их соприкосновения быстро нагрелось, окутывая обоих удушливой волной тепла.

Чэн Цзие сидел замерев, боясь шевельнуть рукой. Любое, даже самое незначительное движение соседа заставляло его сердце бешено колотиться. Лишь когда диктор принялся подробно разбирать значение Стоунволлского бунта для послевоенного поколения бунтарей,

вокалист заставил себя сосредоточиться на сюжете.

Не подозревая, какой сюрприз приготовили авторы фильма, Чэн Цзие ухватился за знакомый термин, хотя сама суть этого исторического события заставляла его чувствовать себя неловко в столь интимной обстановке.

И тут картинка резко сменилась. Без малейшего предупреждения на экране появились двое целующихся мужчин. Голос диктора за кадром вещал с невозмутимой академичностью:

— С этого момента зарождение и триумф рок-н-ролла шли рука об руку с расцветом квир-культуры...

В душном полумраке раздавался лишь монотонный бубнеж рассказчика. Юй Сингэ едва заметно приподнял бровь.

Чэн Цзие затаил дыхание. Напряжение в комнате мгновенно сгустилось, став почти осязаемым. Любые слова застряли в горле, а установившаяся тишина сделалась невыносимо неловкой.

Кадры на экране становились все более откровенными. Старая дешевая запись, найденная Чарльзом в каком-то чулане, внезапно перешла все границы приличия: в кадре замелькали объятия и ласки, явно не предназначенные для широкой публики.

Парни молчали. Слышно было лишь тяжелое дыхание спящего Чарльза и бубнеж диктора.

Воздуха в легких Чэн Цзие стало катастрофически не хватать.

Юй Сингэ же преспокойно покачивал ногой в такт музыке, сохраняя абсолютное олимпийское спокойствие, словно на экране показывали не страстные ласки двух мужчин, а прогноз погоды.

Градус откровенности на экране рос с каждой секундой, подходя к критической отметке, но монотонный голос диктора оставался все таким же безмятежным, рождая дикий диссонанс с картинкой.

В комнате по-прежнему висела гробовая тишина. Не выдержав, Чэн Цзие потянулся к пульту, чтобы выключить это безобразие.

Сцены на экране окончательно перетекли в категорию «строго для взрослых», и продолжать просмотр было выше любых сил.

Бросив панический взгляд на безмятежное лицо гитариста, Чэн Цзие окончательно потерял покой. Руки и ноги словно перестали его слушаться. Он судорожно шарил ладонью по дивану в

поисках пульта, стараясь не смотреть на экран, и неловко заерзал, пытаясь отодвинуться от согревавшего его тела Юй Сингэ.

Краска стыда заливала его шею — он никогда еще не чувствовал себя настолько беспомощным.

<http://bllate.org/book/18241/1765497>